

ЖИВАЯ ПРОЗА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

РОССИЙСКИХ

ПИСАТЕЛЕЙ

ГОАР КАСПЕР, КАЛЛЕ КАСПЕР

ЧУДО

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К28

Оформление серии *Петра Петрова*

Каспер, Гоар.

К28 Чудо / Гоар Каспер, Калле Каспер. — Москва :
Эксмо, 2018. — 384 с. — (Живая проза. Произведения
современных российских писателей).

ISBN 978-5-04-097324-8

Эта книга создана двумя писателями, двумя влюбленными — Гоар и Калле. Трагическая история борьбы с болезнью, ее важные победы и горькие поражения рассказана двумя разными писателями. Гоар начинает, Калле подхватывает и развивает тему, словно в оперном дуэте, и, сливаясь, произведения становятся настоящим чудом — гимном неумирающей любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арьев А., предисловие, 2018
© Каспер Г., Каспер К., текст, 2018
© Пурин А., перевод, 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-097324-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михкель и Марго

Существует утешительная максима: об умерших следует говорить как о «примкнувших к большинству». Эта книга — о тех, кто после исчезновения к большинству не примкнет — ни в обиходном смысле, ни в метафизическом, «Чудо», о котором написал Калле Каспер, в том и состоит, что расстояние между вечностью и обоими представленными в этой книге писателями, их героиней и героем — преодолимо, являет собой ничтожную малость, равную двум сотням страниц и нескольким поэтическим строчкам об асфоделях: «В элизии погода так легка! Выращивать я стану асфодели — И утром приносить тебе к постели, А ты потом нальешь мне молока».

Написано в Ферраре, там, где асфодели растут сами по себе — по обе стороны Стикса. Написано человеком европейской культуры: для него асфодели не просто цветочки, но символы. И у Гоар Маркосян-Каспер напоминание о бренности всего сущего — «Memento mori» — звучит приветствием! Ибо разлучается Марго с Михкелем, героем ее романа, лишь на время, оставшееся ему на земле без нее. Измеряется оно сроком, отпущенным ее

возлюбленному на создание романа и песен о ней самой. Ведь иное имя Михкеля – Мастер, новый Орфей. По обоюдному чаянию они или обретут покой, как в «закатном романе» Михаила Булгакова, или встретятся, как у Данте, в Лимбе. Это недалеко – Италия страна обетованная для обоих персонажей, неотличимых в данном случае от своих создателей.

Пути туда пролегают по извилам и тропам медлительных предложений, соответствующих неконтролируемой скорости потока сознания. Ясный разум – единственный надежный поводырь на этой дороге, а ирония и автоирония – освобождающие от напряжения паузы на привалах. Все эти качества – вместе с приметливым взглядом на внешний мир, характерным для обоих авторов – образуют общую гармонию, пронизывающую и скрепляющую книгу как единое целое.

«Не примкнувшими к большинству» и Гоар Маркосян, и Калле Каспер являются и в самом простом смысле, резко выраженном в одном из профессиональных суждений о современном искусстве: «...дворник, к примеру, с самого рождения примкнет к большинству, а художник, если ему неохота красить задницу в синий цвет и лаять на прохожих, может и остаться вне мэйн-стрима и посему приобрести <...> второстепенный статус».

Для обоих писателей «второстепенный статус» – это своего рода знак избранности, отделя-

ющий их от «толпы», от попадания в среднестатистическое «большинство», не посягающее на господствующие мнения и поветрия. От тех, кому, говорит Марго, «драгоценное их государство куда дороже семьи, родных, близких...».

Да и с «близкими» и у Маркосян, и у Каспера не все ладно. Любовь распылению не подлежит, и каждый из этих авторов мог бы повторить слова поэта: «Я любил немногих. Однако сильно».

В сюжетном плане то, о чем и как пишут авторы публикуемых романов, есть комментарий на полях общих житейских прописей, комментарий жесткий, не избавляющий от насмешки и над собственными благоприобретенными воззрениями. Один из самых ярких относится все к тем же асфоделям — в самую что ни на есть драматическую минуту, увенчанную вещим сном о погружении в царство мертвых: «А где же обещанные асфодели? Должно бы быть красиво, черные лилии, бархатные лепестки, возможно, желтые тычинки... Ерунда, их бы давно вытоптали... то есть так оно, наверное, и случилось». Эти вытопанные цветы говорят о несметных толпах ушедших с лица земли выразительнее любых цифр.

Книга Гоар Маркосян и Калле Каспера — о нумирании смертных, размеренное повествование с действительными сценами, перетекающими в сны, в нирвану. Она о невыразимом — о не имеющем адекватного воплощения в речи, в словах — только в музыке и смерти. Можно ли между ними

установить гармонию — вот вопрос существования пишущего. Героиня Маркосян себе самой рассказывает о пути к небытию. Живая, она передает эстафету осознания тайны смерти Михкелю. Марго умирает уже за пределами повествования, переходит в сознание того, ради кого жила. Это и есть чудо, поведенное ей вослед другим, ближайшим к ней рассказчиком. Калле Каспером.

Андрей Арьев

Гоар Качнеп

MEMENTO MORI

*Моему любимому мужу,
лучшему на свете*

— У вас есть страховка? — спросила врач, не поднимая головы, даже, кажется, не отрываясь от начертания «докторских каракуль» — каких именно, с дивана, неудобно втиснутого в подошедший, наверно, по размеру промежутков сбоку и чуть в стороне от стола, видно не было.

— Нет, — сказала Марго.

Она могла бы добавить, что в противном случае вряд ли стала бы выкладывать четыреста крон за визит в частную поликлинику, но промолчала. Впрочем, докторша, худая даже по нынешним меркам, можно сказать, изможденная женщина... удивительно, словно бы одна на весь Таллин, в какую схожую лавочку ни позвони, везде принимает она, в разные дни и часы, конечно, но она... докторша кивнула, потом бросила в ее сторону короткий взгляд, в котором Марго почудилось нечто вроде смущения, и снова уткнулась в свои записи. Интересно, подумала Марго отрешенно, судьи тоже смущаются перед тем, как зачитать приговор? Не всегда, конечно, только в особых случа-

ях, например, когда какая-нибудь ловкая дамочка пристукнет пару человек, задавит, допустим, на машине или и вовсе пристрелит, прирежет, придушит, при-при-при, словом, прикончит, а потом помчится к ушлomu адвокату, пошущукается, домой, к мужу или тому, кто его заменяет, и давай парочка трудиться в постели не покладая рук, то есть не рук, а совсем другого, до тех пор, пока не соорудит и не произведет на свет невинное дитя, и пожалуйста, никаких тебе отсидок в ближайшие четырнадцать лет, а там родишь еще и так далее, до климакса, ну а потом помилуют, гляди, как мать-героиню... Правда, закон сей применяют, кажется, не ко всем, а... «эта нога — у кого надо нога», как говаривал ефремовский персонаж в рязановском фильме... так оно в России, где, собственно, закон и есть, Марго услышала о нем из новостей. Возможно, если бы она смотрела не только новости, но и телевизор вообще, то узнала бы еще что-нибудь полезное, просиди перед ящиком неотрывно какую-нибудь неделю, и ты получишь драгоценную крупицу знаний, для приобретения которой иным менее на сегодняшний день банальным путем тебе пришлось бы потратить добрую минуту на чтение чуть ли не целой страницы в книге... Любопытная, однако, правовая норма, количественная, можно сказать, — одного убрал, другого добавил, общее число не изменилось, стало быть, ничего и не произошло... С точки зрения вечности и закона сохранения массы так оно и есть... Конечно, погибший мог быть художником, а из ново-

рожденного, вполне вероятно, получится дворник или чиновник, но с позиций политкорректности и прав человека сие значения не имеет... Тем более что неизвестно, кто из этой компании более ценен, не матери-истории, конечно, а кипучей современности, — дворник, к примеру, скорее всего, с самого рождения примкнет к большинству, а художник, если ему неохота красить задницу в синий цвет и лаять на прохожих, может и остаться вне мейнстрима и посему приобрести, как она недавно вычла из газеты, второстепенный статус... Что, непонятно? Элементарно, Ватсон, остаться вне мейнстрима означает приобрести второстепенный статус, так, по крайней мере, истолковывает данную ситуацию печатный орган. То бишь оказаться на обочине... впрочем, можно сказать и иначе, на берегу, стоять и смотреть, как весь этот мейнстрим низвергается в пропасть забвения, *ave caesar*, идущие на смерть приветствуют тебя... хотя гладиаторы-то не те, кто в мейнстриме, а кто вне... Кстати... или некстати?.. в Эстонии еще проще, особенно что касается убийств с применением четырехколесного оружия, тут и рожать никого не надо, за сбитого пешехода разве что орден не дают, пару лет условно и дави дальше, даже права не отбирают, ну, может, на месяц-другой, это, впрочем, понятно, законодатели-то сидят у руля не только страны, по себе знают, что пожизненное лишение прав — наказание немногим более мягкое, чем пожизненное заключение... и все же удивительно, что ценность автомобилиста настолько

перевешивает пешеходовскую, можно подумать, на чашу весов бросают и средство передвижения, а ведь разница между бродячими и сидячими не только денежная, у кого есть на что купить, у кого нет, водятся на свете еще и придурки, которым просто нравится ходить пешком... Но эти опять же вне мейнстрима, второстепенный то бишь статус, задавить такого святое дело... Ситуация выглядит особенно пикантно на фоне неустанной и дорогостоящей всеэстонской борьбы за пристойный демографический пейзаж, впрочем, внутренняя логика прослеживается и тут, золотом ведь осыпают зажиточных мамаш, чада коих пешком ходить не будут, дамочкам победнее достается металл менее презренный...

Тут поток ее сознания вдруг замер, растерянно заплескался на месте, словно уткнулся в дамбу, массивную, черного камня, холодную и неумолимую, проще говоря, действительность, которую она вопреки очевидности всячески игнорировала, старалась не замечать, думать о другом, пусть о ерунде, будто вещи, которых в упор не видишь, возьмут да исчезнут, нечто в духе Беркли... И вообще, надежда, как известно, пока дышишь, при тебе. До последнего. Так, наверно, обвиняемый, ожидая решения суда, надеется, несмотря за груз улики и свидетельств, услышать вердикт «не виновен»...

Докторша наконец оторвала взгляд от бумаг и повернулась к Марго.

— Скверно, — сказала она озабоченно. — Вам нужно дорогое лечение. Химиотерапия, облуче-

ние, операция, все это стоит уйму денег. Даже бизнесмену это не по карману, а ведь вы с мужем...

Марго ее не слушала или не слышала... Вдруг вспомнился сон, старый, год, наверно, прошел, даже больше, но не забылся, застрял в памяти, и поди ж ты... Будто она советуется со знакомой профессоршей, доктором наук, только не медицинских, а филологических, рассказывает про странную штуковину, которая вдруг вылезла на свет у самого краешка груди, добавляет, что раковые опухоли, к счастью, за пару дней не возникают, а профессорша отвечает наставительно: ошибаетесь, милая моя, именно так они и образуются...

— Есть одна возможность, — сказала докторша. — При этой болезни можно оформить инвалидность и получить страховку. Для этого надо...

И она стала объяснять.

Марго слушала недолго, у нее возникло ощущение, что все извилины ее великолепного — ой ли? — мозга внезапно сгладились, кора стала гладкой и твердой, как металл... да-да, и блестящей, гладкой, твердой и блестящей, и похожие на маленькие пули слова не пробивали ее, а отскакивали и падали куда-то вниз, на ковер... нет, тут нет ковра, просто на пол, падали, раскатывались в стороны, несколько секунд она с недоумением смотрела на покрытый лаком старый, неровный, еще советский, надо полагать, паркет, словно ожидая увидеть стальные шарики... или ролики, пули ведь больше похожи на ролики... шарики за

ролики, да... нет, не ролики, а цилиндрики, пули то бишь... бред какой-то...

— Повторите, пожалуйста, все это моему мужу, — попросила она. — Он здесь, за дверью, я его позову.

Муж сидел одиноко в пустой маленькой приемной, поглядывал на дверь, которую она приоткрыла, поманила, он подошел, и через пару минут она смогла отключиться, бездумно глядя, как бедняга Михкель выслушивает жуткие откровения озабоченной докторши, и думая ни о чем. Ни о чем в данном случае не означало то, что высокопарно именуют Ничем. Великое и ужасное Ничто, nulla, как спел бы Яго, спроси его, что следует после химиотерапии, облучения и иных удовольствий, на которые так щедра современная медицина...

Немного позже, когда они шли по заснеженному... какое там!.. заваленному снегом чуть ли не до крыш, промерзшему, темному и пустому городу, Марго, обвив рукой локоть мужа, шагала рядом с ним и меланхолично думала, что до них все-таки добрались, что их маленький мир, уютно обставленный общими вкусами и схожими привычками, освещенный почти единым видением действительности, вот-вот рухнет... ей пригрезились развалины домашнего очага, закопченные камни, угли и зола, воющий в трубе зимний ветер и пепел, пепел... что за мелодраматическая ерунда!.. И тем не менее любая жизнь, как оказывается, может в одночасье превратиться в мелодраму, а за что? «Ах ты гаденыш! — обратилась она к богу,